

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
по диссертации Ольги Николаевны Николаенко
«Миромоделирующие структуры русско-итальянского
травелога XVII –XX вв.»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук.
Специальность 10.01.01 – русская литература

Проблема своего и чужого всегда была очень острой для русского человека, всего русского общества. Она неразрывно связана с особым положением, обширностью, многоликостью, многоконфессиональностью, бинарностью культуры, трагизмом истории России. Все это накладывает на страну и ее жителей особый отпечаток. Приобщение к чужому и неуклонное стремление сохранить свое – серьезнейшие задачи, стоявшие перед нашим государством на всем протяжении его существования.

Приблизительно с XV в. начинаются письменно закреплённые контакты русских людей с итальянцами, России с Италией. Это обстоятельство определило как интерес О.Н. Николаенко к жанру русско-итальянского травелога, так и актуальность ее работы. Путешествие характеризуется соискателем как «перемещение из одного культурного и природного пространства в другое» (с. 4).

Травелоги рассматриваются О.Н. Николаенко как основа для реконструкции римского, венецианского, неаполитанского и флорентийского текстов русской литературы. По ее мнению, «текстовое пространство травелога воспринимается через определенные доминантные точки пространственной дескрипции, которые выявляются по степени их частотности в заметках каждого путешественника» (с. 5).

При восприятии чужого пространства, с точки зрения О.Н. Николаенко, наиболее важным оказывается сосуществование в нем четырех природных стихий – земля, вода, огонь, воздух, характер их взаимодействия. Такая постановка проблемы дает возможность изучить документальный, а не

поэтический образ Италии и свидетельствует о научной новизне работы соискателя. Перечисленные стихи значимы не только в том или ином конкретном локусе, но и выступают как основа для миромоделирования.

В первой главе диссертации рассматривается то, как изменялся образ русского путешественника по Италии, начиная с XVII в. и заканчивая XX столетием. В связи с этим упоминается, в частности, о предыстории жанра травелога в XV – XVI вв., представленной в рассказах о паломничестве христиан, хождениях, статейных списках.

Пристальное внимание соискателя привлекают несколько более поздних источников – статейный список и «Роспись» И.И. Чемоданова и А. Посникова (1656), а также статейный список В. Лихачева (1659). Путешественник XVII в., как выясняется, воспроизводит только то, что видит, является номинатором. Увиденное им, по определению О.Н. Николаенко, относится к природно-тварной сфере.

Заметим, что соискатель демонстрирует профессионализм, обращая внимание на видоизменения жанра травелога на рубеже XVI и XVII вв., а затем и на грани XVII и XVIII вв. В первом случае речь идет о «Росписи» И. Шевригина (1580-1581), а во втором – об описании Б.П. Шереметьева (конец XVIII в.).

На смену статейному списку в конце XVII в. и в начале XVIII в. приходит частный дневник путешествий, противостоящий более официальному предшественнику. В связи с этим внимание О.Н. Николаенко привлекает дневник путешествия по Италии П.А. Толстого (1697-1699). Принципиально новым для жанра травелога оказывается возникновение внутренней рефлексии у автора, обусловленной увиденным в чужой земле, но неразрывно слитой с его московскими представлениями и воспоминаниями. Посредством внутренней рефлексии происходит освоение чужого, адаптивное его к своему.

В начале XIX в. частный дневник путешествий уступает место литературному путешествию или путешествию, в котором усваиваются

литературные образцы. В связи с этим упоминается о сентиментальном путешествии Л. Стерна и романтическом путешествии Ш.М. Дюпати, подчеркивается особое воздействие писем второго автора на К.Н. Батюшкова и Ф.П. Лубяновского. Чужое начинает восприниматься путешественником как свое. Он оказывается способным не только увидеть, назвать увиденное, но и прочувствовать, передать прочувствованное другому человеку. Путешественник превращается в индивидуума с тонкой душевной организацией, он «переживает в себе географическое пространство, наделяя его особым символическим значением. Природный топос мыслится как культурный артефакт» (с. 39).

В 40-50-е гг. XIX в. сосуществуют путешествия сентиментальные (В.Д. Яковлев) и псевдонатуралистические (Н. Греч, М. Погодин, Н.С. Всеволожский), что хронологически хорошо соотносится с наличием в русской литературе натуральной школы и ее противников. Как пишет О.Н. Николаенко, «путешественник 1840-х гг. уже не способен эстетически реагировать на такой культурный артефакт, как могила Вергилия» (с. 46).

На этом разговор о бытовании травелогов в XIX столетии заканчивается. В диссертации не говорится о том, как обстоит дело с ними во второй половине этого века, хотя в списке литературы называются «Путевые заметки в Южной Франции и Италии в 1868 году» (с. 168).

В XX в., по мысли О.Н. Николаенко, внимание путешественника оказывается избирательным, оно привлечено к культурным артефактам. Речь в данном случае идет уже не о номинации увиденного, не о рефлексии по поводу увиденного, а об «экспликации посредством артефактов внутреннего мира человека, пейзажа души» (с. 54). От себя добавим, что русские путешественники в XX столетии ощущают себя полноправными владельцами и интерпретаторами мировых, в данном случае итальянских, сокровищ. Они предстают эрудированными, тонко мыслящими и чувствующими европейцами.

Раздел диссертации, посвященный путешественнику XX в., не лишен элементов описательности, о которых свидетельствуют ссылки на работы Н.Е.

Меднис, Л. Лосева, П.П. Муратова. Книга последнего автора является не столько рассказом о вояжах, сколько очень квалифицированным научным или научно-художественным изложением известного ему об Италии. Однако следует заметить, что в третьей главе диссертации, где в большей степени используется материал травелогов XX в., от элементов описательности не остается и следа. Конкретное, видимое, вероятно, описать легче, чем абстрактное, невидимое. Усложняется задача, стоявшая не только перед путешественниками, но и перед соискателем. Таким образом, первая глава работы О.Н. Николаенко дает возможность представить типы личности субъектов описания, закрепившиеся в русско-итальянских травелогах XVII – XX вв.

Во второй главе диссертации внимание О.Н. Николаенко привлекают объекты описания путешественников по Италии – стихии земли, воды, огня и воздуха. Водная стихия для русских авторов неразрывно слита с образом Венеции. Она оказывается доминирующей над другими стихиями и порождает образ мертвого и, что очень важно, вечного города. Вода обуславливает временную часть хронотопа венецианского текста. Вероятно, если в вечности «нет ни начала, ни конца» и она «выступает как время сакральное» (с. 62), то ее можно уподобить пространственной фигуре круга. В этом случае пространственный концепт, думается, не преобразуется во временной, а дополняет его.

Образ Неаполя представлен для путешественников стихией огня, как выясняется, не уничтожающей, а созидающей, порождающей жизнь. Мортальность Венеции противопоставляется и дополняется витальностью Неаполя. Взаимопроникновение воды и огня не вызывает сомнений. Что касается стихии Земли, то утверждение о том, что «в венецианском текстовом пространстве стихия земли практически отсутствует» (с. 83), возможно, выглядит требующим дополнений. Это подтверждает и глоссарий, в котором упоминается о берегах, камнях, садах. Иначе части работы, посвященные стихии земли в Неаполе и Венеции, не соответствуют по объему друг другу.

Тем более что в диссертации все требующееся для дополнений имеется. Разговор о Неаполе как саде, как прообразе Эдема мог бы быть дополнен соображениями о Венеции-саде в широком и универсальном смысле этого слова. Так, Д.С. Лихачев, на которого ссылается О.Н. Николаенко, писал, что «сад – это прежде всего своеобразная форма синтеза различных искусств» (О садах // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3-х т. – Л., 1987. – Т. 3. – С. 476).

Наблюдения соискателя о воде как символе кругообразного в неаполитанском тексте очень хорошо накладываются на размышления о воде как символе вечности в венецианском тексте. По словам О.Н. Николаенко, «вода играет очень важную роль в пространственном формировании неаполитанского текста» (с. 97). В одном случае круг связан с временной частью хронотопа, а в другом – с пространственной.

Можно предположить, что вода и огонь так соотносятся в неаполитанском и венецианском текстах, как земля и небо. Земля и небо дополняют, как ни парадоксально это звучит, мертвую воду и живой огонь.

В третьей главе диссертации речь идет о ментальном фоне русско-итальянских контактов. Венеция и Петербург рассматриваются как города эксцентрического типа, в которых «происходит столкновение гармонизирующего человеческого творчества и стихийного хаоса» (с. 109). Если креативные мифы Петербурга и Венеции предполагают существование творца, по воле которого внезапно появляется город, то эсхатологические мифы таят в себе представления о неминуемой внезапной гибели благодаря потопу, по воле стихии, по воле природы.

Рассмотрение Петербурга и Венеции как городов-спектаклей демонстрирует не только их театральную общность, но и отличие, которое свидетельствует о большей близости венецианцев к природе, чем жителей Петербурга. Российская северная столица уподобляется сцене, которая отделена от зрителей и путешественника, который превращается в зрителя. В Венеции каждый человек оказывается участником стихийного, природного или близкого к природе карнавального действия.

Вероятно, как преобладание объективного и субъективного начал определяло эволюцию образа путешественника, представленного в первой главе работы, точно так же природное и рукотворное, конкретное и абстрактное начала составляют ментальный фон размышлений в ее третьей главе.

Несомненным представляется как уподобление Венеции и Петербурга, так и расподобие Москвы и Неаполя. Вряд ли об их общности свидетельствует то, что у этих городов нет креативного мифа, что «практически нет прямых сравнений данных городов типа ”Москва как Неаполь” и “Неаполь как Москва”» (с. 139), что «архитектурные наблюдения в московских и неаполитанских текстах выражены куда скромнее, нежели в венецианско-петербургском текстовом пространстве» (с. 142). Даже указания на роль огня в Москве и Неаполе не равноценны, так как в итальянском городе – он порожден природными силами, а в русском – людьми.

Восприятие Италии и отдельных итальянских городов русскими путешественниками как дома не вызывает сомнений, и в этом смысле О.Н. Николаенко безусловно права. Однако если исходить из логики самой диссертации, безупречной в концептуальном и композиционном отношении, то возникает вопрос, а нет ли тех путешественников, которые не так однозначно воспринимали всю страну и ее части? По опыту изучения флорентийского текста можем сказать, что город цветов как дом претил восприятию, например, А.И. Герцена или Ф.М. Достоевского.

Заключение к работе полностью соответствует ее содержанию. Диссертация написана хорошим языком. В исследовании очень много ссылок на публикации в изданиях XIX в., которые составляют фундамент работы и самого русско-итальянского травелога.

Теоретическая значимость диссертации определяется вниманием О.Н. Николаенко к жанровым вариациям русско-итальянского травелога в его динамике от XVII века к XX столетию, а также к миромоделирующим структурам, отраженным в нем.

Положения, выносимые на защиту, несомненно, являются обоснованными, новыми, достоверными, свидетельствующими о существенном вкладе О.Н. Николаенко в исследование русско-итальянских литературных связей.

Автореферат диссертации в полной мере отражает ее содержание, он включает 6 статей по теме работы, в числе которых 3 размещены в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация «Миромоделирующие структуры русско-итальянского травелога XVII – XX вв.» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для развития современной компаративистики, и соответствует требованиям, изложенным в пункте 9 действующего «Положения о присуждении ученых степеней». Автор диссертации, Ольга Николаевна Николаенко, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 - Русская литература.

1 сентября 2014 г.

Доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры

русского языка, литературы

и речевой коммуникации ФГБОУ ВПО

«Алтайский государственный университет» Гребнева Марина Павловна

656031 г. Барнаул, ул. Н. Крупской, д. 102

(3852) 62-69-48; 89831863057

E-mail: grmarinagr@mail.ru

ЗАВЕРЯЮ
СМАГИНА О.А.